

На обратном пути в резиденцию Цзян Чуан долго хранил молчание. Его одолевали тяжкие думы, а слова Вэнь Янь неотступно звучали в голове.

«У Чжияо очень слабое здоровье, этот недуг у него с самого рождения. Матушка-наложница родила его раньше срока, и его едва выходили, отпаивая женьшеневым отваром».

«С малых лет он беспрестанно болел. Его хрупкое тело требовало бережной заботы, но после кончины матушки-наложницы отец-император отвернулся от него. Никому, кроме меня, не было до него дела. С годами его здоровье становилось всё хуже, и восполнить эти жизненные силы теперь едва ли возможно».

Рассказывая об этом, Вэнь Янь на мгновение умолкла, а затем продолжила: «После смерти матушки мы долгие годы поддерживали друг друга. Когда ко мне вернулось расположение отца-императора, я надеялась, что теперь Чжияо сможет наконец поправить здоровье, но та злосчастная чаша с отваром... навсегда лишила его зрения...»

Цзян Чуан думал, что она вот-вот разрыдается — ведь даже от одних её слов его собственное сердце сжималось от невыносимой тоски.

Однако Вэнь Янь не проронила ни слезинки. Её лицо оставалось спокойным, и лишь в глубине глаз читалась безмолвная скорбь: «Тогда он был на волосок от смерти. Помню, как он, угасая, прильнул к моим коленям и прошептал: „Императорская сестра, вокруг так темно, так темно... Боюсь, под землёй я не смогу отыскать матушку“».

На ладонь упала крупная слеза. Почувствовав её тепло, Цзян Чуан опомнился и с изумлением обнаружил, что сам плачет.

Вэнь Янь мельком взглянула на него и добавила: «Ещё он сказал: „Императорская сестра, говорят, после смерти люди могут оберегать живых. Я буду оберегать тебя всю жизнь. Я счастлив, что могу стать твоей защитой“».

За две жизни Цзян Чуан впервые услышал о том, что та чаша с ядовитым отваром не просто ослепила юношу, но едва не лишила его жизни. Вэнь Цзюэ никогда не упоминал, какая смертельная опасность грозила ему тогда, а генерал и не расспрашивал. Только теперь он осознал, сколько страданий выпало на долю супруга.

Каково же было Вэнь Чжияо в те годы, о которых промолчала великая старшая принцесса? Отвергнутый императором, лишённый всяких прав на престол — как он выживал в суровых дворцовых стенах, пробивая себе дорогу?

Все его интриги, всё лукавство были лишь отчаянной попыткой уберечь себя и сестру. А Цзян Чуан вечно упрекал его в неискренности! Вэнь Цзюэ же никогда не оправдывался.

Не окажись он на краю гибели в прошлой жизни, генерал так никогда и не узнал бы, что на самом деле творилось у него на душе.

Напоследок Вэнь Янь строго предупредила Цзян Чуана:

— Мой брат — лучший на свете и достоин самого лучшего. Я не требую от тебя безумной любви, но ты обязан хорошо с ним обращаться. Если он загрустит, я сама подыщу ему любезных сердцу людей, чтобы скрасить его досуг, и ты мне не мешаешь.

Наконец Цзян Чуан добрался до резиденции. Лишь у самых ворот он спохватился, что так и

забыл купить Чжиюю обещанное угощение. Ну да ладно, можно будет просто позвать его на прогулку.

С этой мыслью он ускорил шаг, желая поскорее увидеть супруга.

Однако едва он переступил порог дома, как слуги сообщили, что Вэнь Цзюэ ушёл ещё спозаранку.

— Куда направился Его Высочество? — спросил Цзян Чуан.

Служанка покачала головой:

— Ничтожная рабыня не знает. Хотя я и прибыла сюда в составе приданого Его Высочества, он не пожелал брать меня с собой.

Услышав это, Цзян Чуан развернулся, намереваясь расспросить управляющего, но служанка окликнула его:

— Господин~

Обернувшись, генерал увидел, что служанка — смазливая девица с миловидным лицом и призывным, кокетливым взглядом — скромно опустила ресницы, изображая смущение:

— На кухне уже согрели похлёбку. Раз Его Высочества нет дома, позвольте мне прислуживать вам за обедом.

Цзян Чуан нахмурился, смутно припоминая, что четыре служанки, прибывшие с Вэнь Цзюэ из дворца, действительно строили на его счёт виды.

Эти девицы выросли во дворце и вполне могли оказаться лазутчицами императора. Избавиться от них напрямую Цзян Чуан не мог, а потому старался держаться от них подальше.

В прошлой жизни они со временем переругались между собой из зависти и натворили глупостей, что дало генералу отличный повод выставить их вон и заодно заменить всю ненадёжную челядь в доме.

Цзян Чуан пристально посмотрел на неё. Юаньсян несказанно обрадовалась такому вниманию: она вновь стыдливо улыбнулась и томно приподняла веки, бросая на него многозначительные взгляды.

— Как тебя зовут? — спросил Цзян Чуан.

— Отвечая господину, имя ничтожной рабыни — Юаньсян~ — она с трудом сдержала ликование и заговорила приторно-сладким, вкрадчивым голоском.

— Хорошо. В таком случае тебе больше не нужно прислуживать в передней части дома, — отрезал Цзян Чуан. — На заднем дворе кухарка как раз держит кур и одна со всем не справляется. Ступай туда и помогай ей ухаживать за птицей. Да гляди: куры не должны быть слишком жирными или тощими, почаще выгуливай их, чтобы мясо оставалось упругим и сочным!

Недавнее кокетство мигом сошло с лица красавицы. Она потрясённо вытаращила глаза:

— Что? Хе-хе-хе, господин, верно, изволит шутить? Я ведь умею лишь ухаживать за

благородными господами, откуда мне знать, как обращаться с курами?

— Не умеешь — научишься! — С видом полнейшего благодушия заявил Цзян Чуан. — Я верю, что у тебя редкий талант к птицеводству. Уверен, не пройдет и трёх месяцев, как поголовье кур на нашем заднем дворе удвоится!

Юаньсян едва не разрыдалась. Она принялась поспешно отнекиваться, умоляя генерала не возлагать на неё таких надежд:

— Господин, я право же не...

Видя её замешательство, Цзян Чуан хлопнул себя по лбу:

— Понимаю! Ты, должно быть, боишься праздных пересудов слуг? Что ж, тогда я официально назначаю тебя куриным управляющим! По старшинству ты будешь уступать лишь главному управляющему резиденции. Ну как?

— Я... я... — Юаньсян с размаху рухнула на колени, собираясь взмолиться о пощаде.

Цзян Чуан лишь отмахнулся:

— Ладно тебе, согласилась — и ладно. Не стоит бить поклоны, у нас в доме не любят лишних церемоний.

Юаньсян подняла голову. На её прелестном лице теперь застыло выражение глубочайшего «восторга» от грядущего назначения.

Цзян Чуан внезапно нахмурился и сурово добавил:

— Эти птицы чрезвычайно важны для меня. Если хоть одна издохнет от хвори — спрошу с тебя по всей строгости!

Грозный вид разгневанного генерала напугал Юаньсян до полусмерти. Она поспешно склонила голову:

— Рабыня всё поняла! Я буду оберегать их пуще зеницы ока!

С трудом сдерживая смех, Цзян Чуан развернулся и зашагал прочь. «Ишь, от безделья вздумали ко мне в постель проситься? Ну уж нет, я найду вам дело!»

Лишь когда шаги генерала стихли, Юаньсян медленно поднялась с колен. Смахнув со лба холодный пот, она сердито топнула ногой. Ещё даже в наложницы не пробилась, а уже сделалась куриным управляющим! Что за нелепость?

На её взгляд, слепым в этом доме был вовсе не пятый принц, а сам генерал Цзян! Как можно было отправить такую писаную красавицу убирать за курами?

В сердцах Юаньсян принялась утешать себя: «Ничего, ничего... Зато другие девки, что прибыли со мной из дворца, вообще остались ни с чем! А я, как ни крути, теперь целый управляющий!»

*

От управляющего Цзян Чуан наконец разузнал, что Вэнь Цзюэ отправился в чайную — самую

большую в столице, где всегда собирались книжники и поэты и где жизнь была ключом.

Генерал без промедления помчался туда.

Тем временем в отдельной комнате чайной...

За квадратным чайным столом сидели двое, а перед ними раскинулась доска для игры в го.

Один из них, облачённый в белые одежды, обладал самой заурядной внешностью, но держался на удивление скромно и спокойно. Немного подумав над доской, он осторожно сделал ход.

Сидевший напротив него юноша был в бирюзовом одеянии. Чёрные волосы его были полураспущены и скреплены лишь простой деревянной заколкой, которая благодаря его благородству казалась драгоценностью.

Несколько прядей ниспадали у него по щекам, подчёркивая белизну кожи, подобной чистому нефриту. Опущенные веки не могли скрыть пленительного разреза его глаз, а крошечная родинка у самого края глаза приковывала взгляд, точно лисий хвост.

Всякий, кто хоть раз видел его, уже не мог забыть этой редкой красоты: черты его лица были яркими, выразительными, но сам он держался величаво и отстранённо, точно небожитель.

Рядом с ним стоял миловидный слуга, чей наряд, однако, был пошит из ткани, недоступной простому люду.

Слуга негромко обратился к нему, называя Высочеством, и указал, куда именно противник опустил свой камень.

Юноша слегка приподнял веки, погружившись в раздумья.

Если бы не эти застывшие, незрячие глаза, трудно было бы поверить, что столь одарённое дитя природы совершенно слепо.

Вэнь Цзюэ немного подумал:

— Пять на восток, тринадцать на юг.

— Слушаюсь! — Чаннин взял белый камень и положил его на указанное поле.

Вэй Сючжу удивлённо приподнял брови и со вздохом покачал головой:

— Ваше Высочество, зачем же вы оставляете мне путь к спасению? Сделай вы ход на поле пять на восток, двенадцать на юг — и моим чёрным камням пришёл бы неминуемый конец.

Вэнь Цзюэ слегка улыбнулся:

— Прихлопнуть жертву одним ударом слишком скучно. Мне куда больше нравится наблюдать, как добыча бьётся в путях.

— Вина моя: слишком слабо играю, раз не смог как следует развлечь Ваше Высочество, — с улыбкой поклонился Вэй Сючжу, признавая поражение.

Чаннин вдруг подошёл к окну, приоткрыл створку и выглянул на улицу, после чего поспешил обратно к Вэнь Цзюэ:

— Ваше Высочество, генерал прибыл.

Уголки губ Вэнь Цзюэ приподнялись, выдавая его неподдельную радость.

— Похоже, нам пора расходиться... — произнёс Вэй Сючжу. — Моей партии всё равно уже ничто не поможет... Впрочем, хоть Ваше Высочество и оставили мне призрачную лазейку, на деле это лишь верная гибель. Мне никак не спастись, эта игра изначально была обречена.

— Обречённых игр не бывает, — возразил ему Вэнь Цзюэ. — Даже в моих замыслах могут крыться просчёты. Каждый шаг должен быть тщательно выверен: видишь выгоду — наступай и окружай врага, почувешь опасность — немедленно отступай под защиту.

Вэй Сючжу почтительно сложил руки, и с его лица исчезла былая праздность:

— Да, я всё понял... Вот только великая старшая принцесса едва ли согласится на это, ведь дело касается Вашего Высочества. Когда пришёл указ о женитьбе, она ещё долго гневалась на вас.

Вэнь Цзюэ покачал головой с кроткой улыбкой:

— Вовсе нет. Императорская сестра прекрасно отличает сиюминутное от грядущего. Она не станет жертвовать будущей победой ради мимолётной обиды. К тому же, одним ударом поразить сразу три цели — игра стоит свеч.

Вэй Сючжу поспешил принести извинения:

— Простите мне мою недальновидность!

Вэнь Цзюэ услышал за дверью тяжёлые шаги на лестнице и понял, что Цзян Чуан уже близко. Опершись на руку Чаннина, он поднялся и направился к выходу.

Наверху шаги Цзян Чуана затихли — должно быть, он завидел супруга. Поняв это, Вэнь Цзюэ высвободил локоть из хватки слуги, желая дойти до мужа самостоятельно.

Чаннин поначалу порывался помочь ему, но, заметив отрицательный жест хозяина, послушно отступил.

Вэнь Цзюэ ступал медленно, но уверенно. У него не было при себе ни трости, ни поддержки слуги. Цзян Чуан не проронил ни звука — кажется, он догадался, чего хочет супруг, и терпеливо ждал его, не двигаясь с места.

Подойдя вплотную, Вэнь Цзюэ поднял лицо и ласково позвал:

— Муж мой...

Стоило ему договорить, как все вокруг оцепенели. Никто не проронил ни слова, воцарилось неловкое молчание.

Вэнь Цзюэ растерялся: почему Цзян Чуан до сих пор не взял его за руку? Он тихо позвал снова:

— Юньчуань?

Как вдруг откуда-то справа донёсся обиженный голос Цзян Чуана:

— Твой муж вообще-то здесь.

Вэнь Цзюэ обомлел. Дюжий детина, перед которым он только что стоял, густо покраснел и смущённо почесал затылок:

— Э-э... я тут просто мимо проходил...

Вся нежность, с которой Цзян Чуан мчался сюда, вмиг сменилась горькой обидой. Он подошёл, сердито сгреб ладонь Вэнь Цзюэ в свою:

— Идём домой.

«Да он даже собственного мужа перепутал! Неужто я ему совсем безразличен?» — уязвлённый до глубины души Цзян Чуан сердито косился на шагающего рядом супруга и молча дулся на весь свет.

<http://bllate.org/book/20326/2029326>